

ТОМ VIII

ВЕСТНИК КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ И АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ

АРИСТЕЙ

Университет Дмитрия Пожарского
МОСКВА

2013

ISSN: 2220-9050

Журнал издается Университетом Дмитрия Пожарского

Редакционный совет:

Н.В. Брагинская (Москва), А.Ю. Виноградов (Москва), А.В. Коптев (Хельсинки), А.Е. Кузнецов (Москва), К.Г. Красухин (Москва), В.Ф. Новодранова (Москва), С.Ю. Сапрыкин (Москва), О.В. Сидорович (Москва), И.Е. Суриков (Москва), Г.Р. Цецхладзе (Мельбурн), Ю.А. Шичалин (Москва), Михаэль фон Альбрехт (Гейдельберг)

Editorial council:

Nina Braginskaya (Moscow), Andrey Vinogradov (Moscow), Alexander Koptev (Helsinki), Alexander Kuznetsov (Moscow), Konstantin Krasukhin (Moscow), Valentina Novodranova (Moscow), Sergey Saprykin (Moscow), Olga Sidorovitch (Moscow), Igor Surikov (Moscow), Gocha Tsetskhladze (Melbourne), Yuri Shichalin (Moscow), Michael von Albrecht (Heidelberg)

Редакционная коллегия:

А.В. Подосинов (главный редактор), А.С. Егоров (заместитель главного редактора), С.А. Степанцов (заместитель главного редактора), И.А. Макаров, А.В. Мосолкин, В.В. Файер, А.В. Белоусов (ответственный секретарь)

Editorial Board:

Alexander Podossinov (Editor-in-Chief), Alexander Yegorov (assistant Editor-in-Chief), Sergey Stepanov (assistant Editor-in-Chief), Igor Makarov, Alexey Mosolkin, Vladimir Fayer, Alexey Belousov (executive secretary)

На первой странице обложки – *Персефона и Аид*. Краснофигурный аттический килик (ок. 440–430 гг. до н.э.). Британский музей.

Сайт: www.s-end-e.ru/aristeas

E-mail: aristeas.classics@gmail.com

Информационная поддержка: www.librarius.narod.ru

LECTORI BENEVOLO SALUTEM!

Восьмой том «Аристеея» собрал много интересных работ, написанных в разных областях антиковедения: это и гомероведение (статья О.Л. Ахуновой), и скифология (статья М.Д. Бухарина), и современная историография эллинизма (статья Ю.Н. Кузьмина), и сам эллинизм (статья С.В. Смирнова), и латинская этимология (статья А.А. Грушка – на латинском языке), и латинская текстология (статья М.В. Шумилина в разделе *Miscellanea*), и история преподавания классических языков (статья А.В. Адольфа).

В этом томе мы вводим новую рубрику «Путешествия в неизвестную античность», в которой намерены публиковать рассказы о малоизвестных уголках античного мира. Этот раздел открывается работой Е.В. Приходько «Идебесс – древний город, затерянный в ликийских горах». Автор дает практически исчерпывающую информацию об этом городе, почти не известном антиковедам, за исключением историков, специализирующихся в античной истории Ликии. Мы ожидаем от наших коллег других работ подобного содержания.

Дорожа наследием отечественного антиковедения и стремясь сохранять в живом обиходе достижения наших предшественников, мы публикуем две работы, написанные в конце XIX века замечательными учеными и педагогами – профессором Московского университета Аполлоном Аполлоновичем Грушка и приват-доцентом университета и гимназическим преподавателем древних языков Андреем Викентьевичем Адольфом. Об А.А. Грушка читатель нашего журнала уже многое знает из двух публикаций Е.В. Скударь, помещенных в 6 и 7 томах «Аристеея». На этот раз мы представляем его статью об этимологии латинского слова *nuntius*. Эта работа А.А. Грушка, написанная на латинском языке, помещена в начало тома в соответствии с нашей традицией начинать каждый номер с латинской статьи. Имя А.В. Адольфа знакомо каждому изучавшему латинский язык – он, совместно с С.И. Любомудровым, составил латинскую хрестоматию «*Orbis Romanus pictus*», по которой учились несколько поколений юных латинистов. Да я и сам, будучи студентом, читал эту замечательную хрестоматию как домашнее чтение, а потом переиздал ее в составе собственного учебного пособия по латинскому языку для школьников. Публикуемая статья А.В. Адольфа касается очень важной и интересной темы – истории преподавания древних языков в Европе и России. Хочу процитировать

последние строки этой статьи: «...Лишь тогда учителя древних языков окажутся на высоте своей важной и благородной задачи, когда они, держа вверенное им юношество в постоянном общении с благородными умами древности, выпустят своих питомцев из школы бодрыми духом, сильными волей и проникнутыми искренним и несокрушимым стремлением к истине, добру и красоте. Эти качества суть лучшие сокровища для жизни». Поистине, эти слова должны быть для каждого филолога-классика заветом и целью его работы.

Мы продолжаем публиковать обзоры работ по греческой и римской эпиграфике Северного Причерноморья, подготовленные А.В. Белоусовым. На этот раз рассматриваются эпиграфические работы, вышедшие в 2012 году.

В разделе «Критика и библиография» мы поместили две рецензии – одну, написанную известным итальянским историком античной философии Ливيو Россетти на работу С.Н. Муравьева о Гераклите, и вторую – А.В. Подосинова на серию трудов немецкого историка римской литературы Михаэля фон Альбрехта. Рецензируемые публикации вызывают большой интерес специалистов, чем и вызвано помещение названных рецензий в этот номер «Аристея».

В настоящем томе содержится также ставший традиционным отчет директора Летней школы по изучению древних языков и античной культуры для школьников Н.Е. Самохваловой о работе Пятой школы в августе 2013 г. Радует, что это замечательное начинание, в работе которого принимают участие многие выдающиеся ученые-классики и педагоги, продолжается и набирает силы.

Желаю читателям получить удовольствие и пользу от чтения материалов, составивших настоящий том.

Москва, октябрь 2013 г.

А.В. Подосинов
Главный редактор журнала

СОДЕРЖАНИЕ

От главного редактора	5
СОДЕРЖАНИЕ.....	7
CONTENTS	9
ЛАТЫНЬ СЕГОДНЯ	
<i>Apollo Hruschka</i>	
Quaestiones etymologicae. I. Nuntius	11
СТАТЬИ	
<i>М.Д. Бухарин</i>	
Колаксай и его братья (античная традиция о происхождении царской власти у скифов)	20
<i>О.Л. Ахунова (Левинская)</i>	
Образность гомеровского сравнения	81
<i>Ю.Н. Кузьмин</i>	
Сэр Уильям Тарн и царь Антигон Гонат	94
<i>С.В. Смирнов</i>	
[Arist.] Оес. II. 1345b. 21–28 и проблема интерпретации термина ταυή	110
ПУТЕШЕСТВИЯ В НЕИЗВЕСТНУЮ АНТИЧНОСТЬ	
<i>Е.В. Приходько</i>	
Идебесс — древний город, затерянный в ликийских горах	121
EPIGRAPHICA PONTICA	
<i>А.В. Белоусов</i>	
Греческая и римская эпиграфика Северного Причерноморья. 2012 г.	153
MISCELLANEA	
<i>М.В. Шумилин</i>	
Текстологические заметки о позднеантичных латинских авторах.	171

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Ливио Россетти

**Семантическая стабильность и нестабильность у Гераклита:
По случаю выхода *Consecutio fragmentorum Heracliti* Сергея Муравьева 181**

А.В. Подосинов

О новых книгах Михаэля фон Альбрехта 199

ХРОНИКА

Н.Е. Самохвалова

**О Пятой Летней школе по латинскому языку и античной культуре
(1–10 августа 2013 г.) 207**

ПРИЛОЖЕНИЕ: КЛАССИЧЕСКИЕ ЯЗЫКИ В РОССИИ

А. Адольф

Главные моменты в истории преподавания древних языков 211

СОКРАЩЕНИЯ 226

НАШИ АВТОРЫ 228

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ПРИСЫЛАЕМЫХ СТАТЕЙ. 229

CONTENTS

Foreword of Editor-in-Chief	5
CONTENTS	7
LATIN TODAY	
<i>Apollo Hruschka</i> Quaestiones etymologicae. I. Nuntius	11
ARTICLES	
<i>M.D. Bukharin</i> Kolaxais and his Brothers (Classical Tradition on the Origin of the Royal Power of the Scythians)	20
<i>O.L. Ahunova (Levinskaja)</i> Imaginary of Homeric Simile	81
<i>Y.N. Kuzmin</i> Sir William Tarn and King Antigonos Gonatas	94
<i>S.V. Smirnov</i> [Arist.] Oec. (II. 1345b. 21–28) and the problem of the interpretation of the word τὰργή	110
TRAVELS IN THE UNKNOWN ANTIQUITY	
<i>E.V. Prikhodko</i> Idebessos – the ancient city lost in the mountains of Lycia	121
EPIGRAPHICA PONTICA	
<i>A.V. Belousov</i> The Greek and Latin inscriptions of Ancient North Black Sea Region. 2012 year	153
MISCELLANEA	
<i>M.V. Shumilin</i> Textual Notes on Latin Authors of Late Antiquity	171

REVIEWS

*Livio Rossetti***Semantic stability and non-stability by Heraclitus. To publication
of *Consecutio fragmentorum Heracliti* by Sergej Muraviev 181***A.V. Podossinov***About new works of Michael von Albrecht 199**

CHRONICLE

*N.E. Samokhvalova***Fifth Summer School on Classics (August 2013) 207**

SUPPLEMENT. CLASSIC LANGUAGES IN RUSSIA

*A. Adolf***Main moments in the history of teaching classical languages 211**

ABBREVIATIONS 226

OUR AUTHORS 228

INFORMATION FOR AUTHORS 229

Ливио Россетти

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ
И НЕСТАБИЛЬНОСТЬ У ГЕРАКЛИТА:
ПО СЛУЧАЮ ВЫХОДА

CONSECUTIO FRAGMENTORUM HERACLITI СЕРГЕЯ МУРАВЬЕВА¹

В конце 2011 года произошло неординарное событие: после подготовительной стадии, длившейся несколько десятилетий, увидел свет связный текст Гераклита, весьма непохожий на привычное нам собрание из 120–130 фрагментов. То, чем мы сейчас обладаем – том IV A издания *Heraclitea*, озаглавленный *Refectio*, – это действительно воссоздание развернутой многостраничной речи, которая в значительной степени *является* книгой Гераклита и, таким образом, *его* речью. Новизна случившегося заключается в том, что – за вычетом ряда предварительных вариантов, подготовленных ранее С.Н. Муравьевым (первый из которых был опубликован в 1991 г.), – до сих пор у нас никогда не было возможности читать – а можно сказать, и слушать² – самого Гераклита, который подробно излагает нам свое учение и делится своей неповторимой мудростью, следуя нити *собственных* размышлений. Повторюсь: раньше такого никогда не случалось.

И вот, впервые, мы сталкиваемся с непрерывным текстом, мы можем наконец «услышать» Гераклита, а не ограничиваться чтением нагромождения отдельных фрагментов или, самое большее, приблизительно составленных смысловых групп, игнорирующих «канонический» порядок нумерации Дильса и Кранца. Спрашивается: что это нам дает? Вопрос не из легких, ибо при-

¹ Перевод А.И. Золотухиной.

² Весной 2012 г. вышел итальянский перевод, выполненный Джузеппе Форнари (Giuseppe Fornari): G. Fornari (ed.), *Eraclito: la luce dell'oscuro*, Firenze, Olschki, 2012, р. 3–51. Помню, что в рамках *Eleatica* (апрель 2012) было организовано чтение нового Гераклита по-итальянски, в переводе самого Форнари. Несколько позднее вышел *Гераклит Эфесский. Все наследие* С.Н. Муравьева (Москва, *AdMarginem*, 2012). Должен предупредить, что в комментариях я не учитываю тома, вышедшего в Москве.

ходится учитывать множество различных факторов, но попробуем все-таки на него ответить.

1.

Попытки объединить и расставить по порядку тексты Гераклита имеют полуторавековую историю. Как известно, в начале XX века (1903) Герман Дильс принял волевое решение: он пришел к выводу, что настало время раз и навсегда отказаться от расстановки фрагментов в каком-либо порядке, поскольку любая попытка реконструировать логическую связь текста неизбежно рискует оказаться провальной и, следовательно, неспособной что-либо изменить. Таким образом, за исключением фрагментов 1 и 2, Дильс (а за ним и Кранц в издании 1935 г.) придерживался алфавитного порядка *авторов*, цитировавших тот или иной фрагмент. Поэтому вначале у него идут цитаты, встречающиеся у Аэция, затем у Аристотеля, затем у Климента Александрийского, затем у Диогена Лаэртца, затем у Ипполита и так далее.

Отсюда – растущая привычка говорить исключительно о фрагментах, то есть об отдельных фразах, полагаясь на то, что многие из этих фраз «говорят» сами за себя, – поскольку, как каждому известно, они нам всегда о чем-то говорят, даже когда мы и не пытаемся найти им контекст и пересобрать весь пазл. Более того, по справедливости знаменитое издание фрагментов, подготовленное Мирославом Марковичем (1967), побудило многих комментаторов сконцентрироваться на одних фрагментах, как если бы совокупность других источников информации не могла предложить ничего значимого. Некоторые исследователи пытались даже узаконить фрагментацию, предположив, что Гераклит сочинил не непрерывную речь, а ряд афоризмов, то есть нечто, подобное размышлениям Марка Аврелия или мыслям Паскаля. В самом деле, всякий, кто просматривает фрагменты, сталкивается как с относительно «нормальными» высказываниями (один из возможных примеров: fr. 117 DK о шатающемся пьянице), так и с ярчайшими, безусловными афоризмами, такими как, например, *ean mē elpētai anelpiston ouk exeurēsei...* (fr. 18) или фраза о *thumos*, покупающем все, что хочет, ценой души (fr. 85). Благодаря своему изолированному положению, лишённые контекста, эти фразы приобретают большую силу.

Тем не менее, фрагменты Гераклита являются таковыми только *per accidens*: они таковы, поскольку до нас дошла не книга, из которой эти фразы были «извлечены», а лишь то, что приводилось (более тысячи раз!)³ в других сочинениях в качестве более-менее точных цитат. Таковы они и потому, что стремление

³ Собрание под названием *Traditio* (= раздел II.A Heraclitea, в четырех томах) рассматривает 1290 отрывков текста.

совершить обратный путь, от фрагментов к целому, из которого они, несомненно, были вычленены, долго считалось пустой мечтой. Однако представление, будто эти фразы следует рассматривать по отдельности, неприемлемо хотя бы потому, что и в те времена, и еще много веков спустя не существовало даже слабого представления о прозаическом тексте, который бы мог состоять из отдельных, не связанных между собой кусков. Ничто не могло бы убедить нас в этом более, чем полное отсутствие примеров чего-либо подобного. Таким образом, ничто не дает нам права утверждать в рамках какой-либо теории, будто все множество фрагментов состоит из афоризмов.

Как следствие, их фрагментарность нельзя считать специальным достоинством и ценностью: эти фрагменты подобны осколкам античной керамической вазы. Рассматривать фрагменты как структурно изолированные частицы означает изобретать контекст, безусловно чуждый намерениям автора, контекст, которого никогда не было и который может только извратить наше восприятие дошедшего текста: знакомые нам обрывочные фразы продолжают оставаться кусочками мозаики. Это дает нам существенный и неоспоримый повод попытаться (хотя бы попытаться!) вернуться к изначальному континууму, то есть, к мозаике, частями которой являются фрагменты, – конечно, если это хоть сколько-нибудь выполнимо.

Насильственно фрагментарный характер того, что дошло до нас, объясняет, почему разные исследователи постоянно предпринимали попытки восстановить континуум: одни устанавливали очередность хотя бы дюжины фрагментов подряд (так поступили Патен (Patin) в 1885 г., Гомперц (Gomperz) в 1923 г., Вест (West) в 1971 г., Гольверда (Holwerda) в 1978 г.), другие объединяли фрагменты в более-менее однородные группы (среди прочих Салюччи и Джилардонни (Salucci e Gilardoni) в 1968 г., Маркович в 1971 г., Кан (Kahn) в 1979 г., Диано-Серра (Diano-Serra) в 1980 г., Конш (Conche) в 1986 г.). Исключением было издание Гарсиа Кальво (García Calvo) (1985 г.), в котором была представлена непрерывная последовательность из 135 отрывков текста. Однако во всех этих случаях учитывались только фрагменты, признанные аутентичными. Неудача такого подхода теперь очевидна: он опирается на необоснованное отсеивание всего, что не является *ipsissima verba Heracliti*. В самом деле, почему бы не использовать дошедшие до нас тексты, степень точности которых уже невосстановима? Неужели более гибкая позиция исключена?

Именно гибкость Муравьев (далее СМ) сделал характерной чертой своего стиля издания фрагментов. В своем издании СМ принципиально наряду с фрагментами рассматривает многие тексты, обычно исключаемые из собрания подлинных фрагментов, так как они не являются в прямом смысле фразами из книги Гераклита. Чтобы избежать путаницы, СМ присвоил каждому фрагменту оценку степени аутентичности, буквальности и точности, обозначаемой

звездочками (от нуля до пяти). Таким образом, подлинность текста оценивается не примерно (100 или 0), а по соответствующей шкале.

Такая формула позволяет включить в состав фрагментов значительное количество других текстуальных единиц, так что в итоге издание СМ (*Recensio* 2006 г.) вместо привычных 120–130 фрагментов содержит 212 текстов, как несомненных цитат, так и следов (сочтенных достоверными) чего-то, написанного Гераклитом. Например, в случае F70A⁴ воспроизводится фраза Макробия (христианского автора, деятельность которого приходится на период ок. 400–430 гг.), который, кратко обзревая различные теории о душе, пишет: *Heraclitus physicus scintillam stellaris essentiae*. Это не буквальная цитата: мы предупреждены, что здесь приводятся не точные слова Гераклита, но вместе с тем, с большой долей вероятности, фраза происходит из некоего утверждения Гераклита, известного Макробию⁵.

Если пойти дальше (что возможно и даже желательно), то надо признать, что, при заметно различающихся формулировках одного и того же фрагмента, не всегда так уж необходимо решать, какая формулировка «правильная». «Ощущение прямого, непосредственного контакта с античным мыслителем вполне может быть иллюзорным» и «нельзя быть уверенным в результате, особенно если оригинальный текст не в стихах» (Pórtulas e Grau 2011, 29). К тому же, нередко случается, что у Гераклита один и тот же поворот мысли порождает много схожих утверждений, дополняющих друг друга. Поэтому иногда разумнее признать, что рискованно стремиться подвести мало согласующиеся между собой тексты под один знаменатель и смириться с их неопределенностью. Таким образом, система звездочек СМ несколько не уменьшила необходимости однозначно определить отдельные высказывания, хотя в целом его *Recensio* все же сделала шаг в этом направлении.

Следующая за этим *Refectio* (2011) характеризуется новым шагом вперед: в ней число рассмотренных текстов увеличилось до 248, включая, в том числе, немало свидетельств, которые хотя и не являются собственно высказываниями Гераклита, но, тем не менее, дают сведения о его учении. Признавая, что по доступной нам информации невозможно восстановить сами слова Гераклита, но, по крайней мере, можно получить представление о круге интересов, отразившихся в его «книге», СМ жертвует точностью своей реконструкции, но включает в нее все возможные свидетельства мысли философа. Для этой цели он прибегает к графическим знакам, подходящим для обозначения предпола-

⁴ По нумерации, принятой в *Recensio* (= *Heraclitea* III.3.B/i, 2006); cf. *Traditio* (= *Heraclitea* II.A.3, 2002), текст n. 782.

⁵ В этом случае СМ присваивает тексту четыре звездочки за аутентичность: одну за буквальность и три за точность.

гаемой степени отличия от оригинала в каждом конкретном случае. Поэтому порой случается, что нужно довольствоваться далеким эхом текста, потому что мы не располагаем ничем более точным, и нас предупреждают об этом. Например, в случае текста п. 247 нельзя сказать, что мы имеем дело с высказыванием Гераклита: здесь наш доксографический источник говорит лишь, что, по Гераклиту, молнии появляются от того, что зажигаются и гаснут облака. Почти несомненно, что утверждение такого рода имелось в книге, значит, нужно принимать его во внимание, предлагая новую композицию текста на основании всех доступных свидетельств. С этой точки зрения, решение учитывать как фрагменты, так и другие, столь же значимые, свидетельства, безусловно, заслуживает одобрения.

Но расширение списка свидетельств, способных пролить свет на то, что было написано в той самой книге, – только предварительная операция. Остается попробовать восстановить мозаику и найти для этого некий критерий. Признать, что некоторые «аутентичные» фразы вращаются примерно вокруг одной темы и что расставить их одну за другой (как это лучше других сделал Маркович) еще не означает реконструировать мозаику; скорее, это равнозначно простой классификации того, что мы имеем. Попытка составить вместе и склеить куски – принципиально другое действие. Оно, прежде всего, предполагает, что частички мозаики не происходят из непонятого места, а когда-то имели контекст и определенным (хотя и не однозначным) образом взаимодействовали с ним, поэтому их объединение в целое имеет значение.

Основываясь на такой предпосылке, имеет смысл дойти до нити рассуждения и сконцентрироваться на вероятных швах, в нашем случае, – на местах, в которых группы высказываний (то есть, фрагментов) соединяются вместе самым естественным образом, обнаруживая последовательную и четко выраженную мысль. Именно такая стратегия помогла СМ переставить части целого, разрабатывая и проверяя разнообразные гипотезы соединения текстуальных единиц, начиная с выделения тематических ядер. Действуя таким образом и отдавая немало сил последовательному оттачиванию своего предположения, он, в конце концов, составил почти непрерывный текст.

2.

Refectio СМ заставляет нас думать, что, после небольшого вступления, Гераклит в своей книге приступал к долгой полемике с простыми смертными и группой интеллектуалов, от Гомера до Гекатея (раздел I, тексты 10–50), чтобы затем перейти по контрасту к рассуждениям о добродетели таких людей, как Биант и Гермодор, и остановиться на пороках, вредящих мудрости (раздел II, тексты 51–66). В этом месте, считает СМ, Гераклит мог привести ряд сооб-

ражений о познании, где он, начиная с высказываний об Аполлоне и Сивилле, мог бы говорить о природе, любящей скрываться, о скрытой гармонии и поиске того, что не интуитивно, то есть, не от глаз и от ушей, наконец, о том, что является общим, и о человеческих законах, питающихся от единого божественного закона (раздел III, тексты 67–105). От ряда высказываний общего характера автор затем мог перейти к проиллюстрированному многими примерами рассказу о «законе единства» (раздел IV, тексты 106–141). Затем наступала очередь для тирады против непристойных обрядов (раздел V, тексты 141–153). И только здесь могло начаться рассмотрение «космологических» вопросов, касающихся вечного огня и «смерти» огня, земли, воды и т. д., а также души (раздел VI, тексты 154–214). Далее СМ переходит к изложению ряда более специальных учений о небесных телах, временах года, месяцах и климате (раздел VII, тексты 215–248). «Le reste ne nous est pas parvenu», читаем мы после 248-го текста.

Первые 86 из этих 248 текстуальных единиц по большей части представляют собой фрагменты, общепризнанные таковыми. Затем вставлена группа из восьми текстов, не включаемых в собрание фрагментов и намеренно напечатанных так, чтобы отметить характеризующую их аномалию. Потом, с n° 97 по n° 190, мы вновь находим большое количество других текстов, обычно считающихся фрагментами. Однако процент не-фрагментов становится преобладающим между текстами 191 и 248. Можно сказать, что в этом отношении СМ постарался свести к минимуму количество не-фрагментов в разделах, содержащих больше всего текстов, приписываемых Эфесскому учителю⁶. Этот выбор понятен, если учесть, что доксографы разыскивали высказывания, сравнимые с такими же у других авторов, и «объяснения», которые бы были (или могли считаться) аналогичными другим или соревновались с ними. Но когда речь идет о единстве противоположностей, о невежестве смертных, о критике поэтов или порицании ритуалов, высказывания не принимают формы сравнимых между собой *doxai*, и поэтому источники дают нам много более-менее точных цитат, но мало сведений доксографического типа.

То есть, наибольшее усилие по перестановке фрагментов было приложено в секциях II, III и IV, в которых СМ действительно удалось наметить довольно вероятную модель развития текстуальных единиц – и мыслей, – соединенных между собой скорее интуитивно. Таким образом, я охотно признаю, что обращение с этой большой частью книги Гераклита имеет много достоинств и рисует последовательность мыслей, достойную оригинала. Заслуживает внимания также связь между темами IV и V разделов. СМ полагает, что раздел IV

⁶ Отсюда не так далеко до простого составления групп фрагментов (как, например, это делал Маркович).

завершается размышлениями о единстве прекрасного и безобразного, чистого и нечистого, сладкого и горького, после чего по ассоциации осуществляется переход к разговору о неблагочестивом поведении и непристойных обрядах, то есть, о безобразном. Нужно признать, что возможных альтернатив этому типу соединения довольно мало.

Последние два макрораздела (V о космосе и VI о небе) отличаются от других четырех своим преобладающим доксографическим характером. В этих двух разделах СМ даже не попытался установить связи между фразами. Он ограничивается тем, что заключает – он и не мог бы сделать иначе, – что книга занималась также и такими темами, рассматривая их по отдельности. Тем не менее, он выделяет довольно хорошо структурированное первое ядро (от огня до души: раздел V), к которому приводится особенно большое количество текстов. За этим ядром у СМ следует изложение идей Гераклита по поводу ряда типичных тем: солнце, луна, затмение, испарения, затем месяцы, времена года и пр. Учитывая природу рассматриваемых вещей, порядок с необходимостью становится все более формальным, но СМ делает честь то, что он отважился включить в *Refectio* и этот последний раздел.

Мы лучше поймем способ, каким он смог выделить определяющие разделы всей книги, сравнив данную *Refectio* с изданием Гарсии Кальво (1985). Гарсия Кальво ввел многочисленные и порой неоправданные инновации в состав текста фрагментов, но за попытку составить непрерывный текст ему пришлось заплатить высокую цену: он учитывал только 135 текстов, то есть, каноническое число фрагментов. Он предпринял попытку расположить все фрагменты по порядку, не учитывая пустот, которые, безусловно, имеются между ними. По сравнению с ним, достоинство метода СМ заключается в том, что он признает существование этих пустот, которые он частично заполняет, вооружившись информацией доксографического характера или, по крайней мере, информацией, отличной от текстовой цитации. Само собой разумеется, что эта процедура гораздо адекватнее и поэтому более многообещающа.

Теперь я предложу краткое сравнение между двадцатью четырьмя тематическими ядрами, выделенными в свое время Марковичем, и двадцатью восемью, выделенными СМ. Очень легко заметить, что первый, помимо того, что он принял во внимание только фрагменты, ограничился тем, что сгруппировал их по темам, нисколько не пытаясь соединить группы и составить фразы на близкую тему в непрерывный текст. Именно это стало задачей, которую поставил перед собой СМ, используя прежде достигнутые результаты в том, что касается состава текста и точного значения фрагментов (это исследование, как мы знаем, дало повод для других томов *Heraclitea*). В *Refectio*, таким образом, он заморозил исследование источников и фрагментов и сконцентрировался на попытке восстановить континуум, частями которого являются фрагменты и о котором даже

дошедшие до нас в очень плохом состоянии свидетельства изыскивают способ что-то сообщить нам. Поэтому он решил не сделать как можно лучше работу, которой посвятил себя Маркович, но пройти по совсем другому пути.

По указанным причинам, задача *Refectio* вполне может считаться, в целом, разумной и дальновидной, как и справедливой в отношении постановки вопроса.

3.

Также и другие соображения показывают, что была необходимость в *Refectio*, задуманной примерно в том же роде, что и опубликованная сейчас. Если изначально частички мозаики составляли непрерывный текст, то каждая частичка выполняла свою функцию, способствовала уточнению смысла и приемлемости целого и в то же время получала точный смысл на основе своей функции по отношению к целому.

Именно это обычно, хотя не всегда и не необходимо, контекст определяющим образом накладывает на смысл высказывания. Существуют также положения, отличающиеся высокой семантической стабильностью и не имеющие свойства обуславливаться контекстом. Например, утверждение, что земля имеет форму цилиндра (Анаксимандр), утверждение о том, что неясная сексуальная идентификация причиняет страдания (Парменид) или фрагмент о пауке, расположенном в центре паутины (Гераклит), пользуются привилегией необычайной семантической стабильности (то, что они могут означать, не вызывает споров) и, к тому же, крайне низкой зависимости от контекста. Действительно, содержание высказывания настолько специфично и неожиданно, что ограждает себя от всякого влияния контекста и от какого бы то ни было превратного понимания. Поэтому в таких случаях помещение подобных фраз в пункт А или пункт Б какой-либо книги с трудом могло бы изменить наше восприятие их объяснительной ценности. В нашем случае темы, затрагиваемые в разделе VI собрания, отличаются особенно высокой семантической стабильностью, и, как отмечалось выше, именно поэтому их можно только расположить в упорядоченном виде, имея в виду, что автор, вероятно, говорил о «физической» природе того, что кажется небесным телом, и о неравной продолжительности новолуния в последующие моменты, давая повод для двух более-менее кратких зависимых рассуждений, сначала, возможно, о небесных телах в целом, а затем о некоторых из них в отдельности. Поэтому в этом случае не очень важно разрабатывать точные конъектуры о *dispositio* релевантных текстов. Но зато ясно, что в книге разрабатывались и эти темы.

Но есть, как известно, и высказывания вроде «сейчас я схожу вымыть руки», которые, несмотря на кажущуюся прозрачность, способны принимать самые разные смыслы. Действительно, фраза означает А, если понять ее пря-

молинейно; но означает также Б, если говорящий намерен напомнить о поведении Пилата перед Иисусом, означающем отказ от собственной позиции в противоречивой ситуации; означает В, если собеседники знают, что вымыть руки физически невозможно (например, из-за отсутствия воды); означает Г, если у говорящего руки в крови; означает Д, если говорящий в воде или под водопадом, и т. д. В случаях такого рода от того, поместить ли фразу в контекст А, Б, В или Г, ее значение может полностью измениться вплоть до противоположного.

В случае Гераклита мы уже видели несколько очень стабильных высказываний, и список можно расширить большим разнообразием примеров. Достаточно вспомнить фр. 42 о Гомере, заслуживающем палок, фр. 33 о *nomos* как о повиновении одному человеку, фр. 101a о глазах, лучших свидетелях ушей, *edizēsamēn emeōton* из фр. 101 и *phusis krupesthai philei* из фр. 123. Его собрание образцов невероятно разнообразно. Но понятно, что другие утверждения имеют разные степени нестабильности или же совсем не являются стабильными.

Совершенно особым случаем являются высказывания, кажущиеся абстрагированными от контекста и универсальными, как, например, фрагмент о том, что купается ценой души (*psuchēs dñeitai*: фр. 85 DK). Мне тоже случалось отмечать, что эти высказывания живут собственной жизнью, но достаточно простого замечания, чтобы меня опровергнуть: поскольку подобные высказывания на самом деле были вставлены в континуум речи Гераклита, то весьма вероятно, они были помещены туда, чтобы привносить особый и почти однозначный смысл.

Я могу привести пример высказывания, носящего в данном издании номер 63. Это фр. 119 DK, *ēthos anthrōpōi daimōn*. СМ придумал следующий макроконтекст: «les vices qui nuisent à la sagesse», аргументируя это тем, что в блоке, к которому приписывается фр. 119, мы сталкиваемся с «domaine spécifique du savoir relatif aux normes et mécanismes du comportement humain», которое «fort peu représenté dans nos sources et fait complètement défaut dans la doxographie. (...) Ce qui, au début, semblait être un groupement provisoire de maximes hétéroclites, s'est constitué en paragraphe à part entière clôturant la critique des hommes et de leurs sages, en morale de cette critique. Nous ignorons, bien sûr, s'il est complet, il pouvait comporter d'autres gnômes éthiques pertinents. Mais il n'affiche aucune lacune identifiable. (...) Les mots-clés/racines-clés *ēthos, anthrōp-* et *daimon-* (...) sont tout à fait suffisants pour garantir la validité du rapprochement entre ces trois fragments⁷» (p. 74–76).

⁷ Речь идет о текстах н° 63–65 (= фр. 119, 79 e 78 DK). Пользуясь случаем, укажу, что стр. 33–156 настоящей *Refectio* посвящены детальнейшей и часто проясняющей смысл

Размышления, служащие, вероятно, оправой для фр. 119, по предложенной СМ интерпретации, таковы:

- самомнение – это «падучая болезнь» (n° 61 = fr. 46 DK);
- невежество лучше скрывать: это надежнее, чем выказывать его, но это сложно человеку распущенному или пьянице (n° 62 = fr. 95 e 109 DK);
- (действительно) *ēthos* для человека – *daimōn* (n° 63 = fr. 119 DK);
- но по сравнению с даймоном взрослый человек кажется ребенком, точно так же, как ребенок, поставленный рядом со взрослым (n° 64 = fr. 79 DK);
- поскольку человеческий *ēthos* не имеет никакого знания, в то время как божественный имеет (n° 65 = fr. 78 DK).

Нельзя сказать, что в этом случае тексту в самом деле удается принять форму непрерывной речи. Тем не менее, даже то небольшое, чего он касается, уже может обрисовать контекст, после чего значение каждой частицы определяется заново, поскольку воспринимается как средство для определенного сигнала тревоги. Мы, конечно, никогда не узнаем, воспринимался ли действительно фр. 119 как предупреждение против некоторых недостатков, которых следует опасаться (то, что мы имеем – ряд частичек, позволяющих предугадать ведущую линию возможного рассуждения⁸, то есть, контекст, с необходимостью отмеченный высоким уровнем конъектуральности). И все же, предложенная здесь контекстуализация дает нам твердую почву под ногами в том смысле, что фраза об *ēthos* представляется нам относящейся к дурным привычкам распущенных и пьяниц, а не к дурным привычкам в целом. Конечно, вполне допустимо сомнение в вероятности того, что Гераклит относил рассматриваемую нами фразу именно к этим определенным дурным привычкам, но, во-первых, нас каждый раз будет настораживать предположение, что рассматриваемое выражение нужно воспринимать как универсальное⁹; во-вторых, мы должны будем искать указания, позволяющие направить в другое русло наши догадки о контексте и, если мы его не найдем, мы снова будем должны со всей серьезностью принять во внимание контекст, указанный СМ.

Было бы неразумным делать общие выводы из этого отдельного случая, но, когда мы воспринимаем максимум универсальной, так как она лишена контекста, необходимо рассматривать ту вероятность, что изначально она не была изолированной.

Рассмотрим теперь фр. 114 (= текстуальная единица 105) о человеческих

«защите» каждого решения, принимаемого автором.

⁸ То есть, ряд сигналов, ждущих интерпретации, как бывает, когда только приступаешь к очистке античной монеты.

⁹ В конце концов, нередко утверждения, несущие глубоко универсалистскую направленность, рождаются в ответ на гораздо более подробные и гораздо менее универсальные задачи; возможно, так произошло и в данном случае.

законах, кормящихся от закона божественного. В этой текстуальной единице упоминаются и ставятся в зависимость один от другого два контекста: совокупность человеческих законов и единственный божественный закон. Решение понять связь между человеческими законами и божественным законом как «вскармливание» позволяет исключить, что Гераклит мог ограничиться уже вошедшими в употребление (и значит, уже доступными) понятиями. Действительно, ни в этой, ни в других областях неизвестны прецеденты использования формы категорий с претензией на универсальность («все человеческие законы без исключений») и специального понятийного аппарата, который автор ясно себе представляет. Но можем ли мы заключить отсюда, что Гераклит был философом права, и даже естественного права *ante litteram*? Возможно, да, но не следует забывать, что здесь перед нами ускользающая, пусть и ясная, структура. Действительно, в данном случае контекст (фрагмент целиком) позволяет нам констатировать, что буквально за момент до этого автор играл словами (*χιρ ποῖι ~ χιρ ποῖι*), а сразу после этого его внимание переместилось на мысль, что божественный закон пронизывает всё сверх меры. Это является замечательным указанием на то, что Гераклит не мог присваивать таким рассуждениям статус теории с мотивацией, способностью распространяться, неизбежными выводами, практическим применением и т. д. В этом, как и во многих других случаях, ему было достаточно озвучить мысль и бросить ее как бы походя, не развивая. Отсюда, если не ошибаюсь, можно сделать вывод о том, что у Гераклита коммуникационный поток обволакивает и обуславливает содержание, иногда в итоге значительно притупляя его значимость.

Необходимость оценить значимость некоторых высказываний Гераклита особенно остра в случае высказываний, призванных определить, применить и защитить учение, часто называемое *coincidentia oppositorum*. Действительно, как только мы переходим к поиску контекста более явных «философских» высказываний, то есть, как только пытаемся определить их точное место, мы сталкиваемся с трудностью: как замкнуть цепь и с разумной точностью локализовать область книги (Гераклита), в которой, вероятно, находилась формулировка предполагаемой центральной идеи. Обсуждаемая нами *Refectio* достаточно отважно предлагает усомниться в том, что этот род «центральной главы» возможно выделить, если она вообще существовала. Отмечу, что поиск этого мнимого центрального рассуждения напоминает нам предположение о том, что непременно должен существовать хотя бы один платоновский диалог, посвященный полному и развернутому объяснению теории идей. Но подобный диалог никогда не был написан: безусловно, теория идей сформировалась в уме Платона, но автор всегда ограничивался тем, что говорил о ней несколько эпизодически, в контексте других рассуждений. Итак, в случае с Гераклитом, как кажется, случилось нечто подобное. Просматривая *Refectio*, мы замечаем

длинный ряд пар противоположных понятий, объявленных взаимозависимыми, замечаем, что они некоторым образом признаются самими богами (или, по крайней мере, Зевсом), замечаем многократное порицание простых смертных и некоторых знаменитых мудрецов, неспособных уделить достаточно внимания этим взаимосвязям, но изображение самого понятия никак не оформлено. Мы также легко убеждаемся в том, что во многих случаях – например, когда Гераклит очерчивает свое знание о космосе или когда объявляет нечестивую сущность некоторых обрядов, – складывается впечатление, что автор забывает о своей «великой философии», будто растекшейся по многим ручейкам, ни разу не ставшей основным объектом его учения, никогда не давая повод для развернутого и прямого рассуждения о предполагаемой центральной идее.

И все же, пока мы работаем с привычными 130–135 разбросанными фрагментами, почти невозможно устоять перед соблазном «выделить» из них учение о *coincidentia oppositorum* и рассматривать его как учение Гераклита, то есть, как философию, сознательно проработанную и теоретизированную им самим. Но так ли это на самом деле? Целое, должным образом полученное из частей единственным на сегодня приемлемым способом (*Refectio* CM), не говорит нам этого, наоборот, ясно показывает, что нет первичного рассуждения, в котором бы развивалась «стратегическая мысль», «определяющая истина» учителя из Эфеса. То, что он сообщает, остается обозначенным таким способом, который существенно и неожиданно отклоняется от прямого пути.

Поэтому можно понять, что заставило Портуласа и Грау написать, что «текст Гераклита, как представляется, образован на основе сетки внутренних ссылок, а не в соответствии с линейной аргументацией», после чего они сравнивают книгу с калейдоскопом, в котором «различные фрагменты постоянно переставляются в необычные и блестящие конструкции» (2011, 449). Но это не совсем так, «книга» Гераклита совсем не лишена утверждений прямых и по-своему простых, то есть явно лишенных второго дна и аллюзий на заднем плане. Таких высказываний – несколько десятков, причем не только тех, которые дают информацию и разъяснения о небе, солнце и облаках (раздел VI *Refectio*), и не только ясные и четкие утверждения, как, например, фр. fr. 39 («в Приене родился Биант, *logos* которого превосходит остальных») или уже упоминавшийся фрагмент о пауке (67a), но и значительная группа высказываний, проходящих как «философские», как, например, фр. 111 («болезнь делает приятным и благим здоровье, голод – сытость, усталость – отдых») и фр. 126 («холодное нагревается, горячее охлаждается, влажное высыхает, сухое увлажняется»). В этом третьем подразделении семантическая стабильность также высока и по-своему убедительна, потому что нашу интерпретацию этого утверждения не колеблет никакое серьезное сомнение.

Отсюда, как кажется, вытекает два-три неизбежных вывода: во-первых,

процент фрагментов – или, лучше, процент всех текстов данной *Refectio*, – характеризующихся существенной семантической стабильностью содержания, высок (я предполагаю, намного выше 50%), и именно поэтому было бы полезно попытаться установить, насколько он высок; во-вторых, если бы процент оказался низок, *Refectio* с необходимостью оказалась бы произвольной, но это не так. Действительно, на поверку *Refectio* удается дать нам довольно вероятную картину целого текста, как и его развития. Двадцать восемь тематических ядер, в том порядке, в котором они составлены, в самом деле представляют собой сетку, в которой разные аспекты книги и мысли Гераклита находят свое место и оказываются взаимно возможны, то есть способны сосуществовать с великим разнообразием других составляющих целого.

Так, мы начинаем понимать, насколько важно было предпринять реконструкцию упорядоченного *Corpus Heracliteum* (или, если угодно, *consecutio fragmentorum Heracliti*). Переход от разрозненных фрагментов к законченной *refectio* имеет силу изменить наше восприятие смысла, заложенного во фрагментах, и образа самого Гераклита. Отсюда я заключаю, что интерпретация нуждается в том, чтобы силы вкладывались в исследование гипотез в области контекстуализации, и что настоящая *Refectio* (теперь уже окончательная, но надо учитывать, что первая версия появилась еще в 1991 г.) служит первопроходцем.

СМ показал нам, что путь, по которому надо идти, – фактически путь, лишенный альтернатив, – состоит в поиске вероятного контекста, то есть в попытке каждый раз соединить малое или большое количество близких соображений, документированных в источниках. Если продвигаться таким образом, диапазон произвольных гипотез подвергается резкому сокращению именно потому, что каждый раз надо найти соединение с тем, что дошло до нас. Если мне будет позволено вернуться к примеру процесса реконструкции росписи на керамике, я бы отметил, что нетрудно понять, по предварительном рассмотрении, что на фрагменте изображены лошадь, человеческая фигура, одежда, часть здания или какого-то предмета, и уже эта предварительная уверенность довольно сильно помогает в направлении исследования вероятного контекста. Что-то подобное случилось с настоящей *Refectio*, которая затем перешла к попытке найти подходящий контекст большому числу текстуальных единиц (или их следов) и детально разобрать их в комментариях, сопровождающем этот необычный и коварный по своей структуре «анастилоз».

Таким образом, я предлагаю признать, что сейчас мы располагаем важным ресурсом, который не смогла представить экзегетическая традиция, и за это мы можем только поблагодарить СМ.

4.

Одобрение, которое я в целом выражаю СМ за идею и ее реализацию, ко-

торая, в самом деле, мне кажется, способна оживить книгу Гераклита в удивительно удачном и более-менее вероятном виде, не несет в себе *eo ipso* столь же лестного суждения о том, что касается конкретного ее исполнения. Различные операции, оценки и умения входят в игру в момент сборки инфраструктуры и в момент определения точной конфигурации каждой отдельной частички. Для реализации замысла такой гибкой структуры, о которой мы до сих пор говорили, не требуется высшая филологическая скрупулезность, и сила и функциональность корпуса не компрометируется хрупкостью выбора отдельных деталей. Особенным образом филологическое упорядочивание было произведено СМ в других томах *Heraclitea*, а именно в томах под названием *Traditio* и *Recensio*.

Поэтому было бы неуместно обсуждать способ, при помощи которого были изданы и интерпретированы в соответствующих томах отдельные текстуальные единицы, но, с другой стороны, я бы ожидал обрести в *Refectio* простое перераспределение уже изданных текстуальных единиц, только с небольшой разницей, вызванной позднейшим *labor limae* автора. Но его амбицией было как можно больше приблизиться к непрерывной речи, и с этой целью он не только использовал собственное издание, но видоизменил некоторые из 248 текстуальных единиц, избранных для того, чтобы легче сделать речь непрерывной, а *Refectio* – пригодной для использования. Взятый критерий подверг исполнителя риску, зачастую бесполезному, поскольку желательно, чтобы процесс «анастилоза» не был связан только с изданием текстов.

Так, с сожалением приходится констатировать, что была введена текстуальная единица 0, вместе с предположением, что книга Гераклита начиналась вопросом, и предложением в качестве текста 1 использовать краткое высказывание, найденное у Диогена Лаэртца IX 5 и подвергшееся серьезной переработке¹⁰. Вместе с тем поддерживаются многочисленные конъектуры, неизбежно произвольные со многих точек зрения, так что сделанный выбор следует считать неразумным (поскольку он достаточен, чтобы внушить недоверие) и, конечно, необязательным. В самом деле, если бы СМ признал, что он не может идентифицировать самые первые слова античной книги, никто бы не стал на это сетовать или осуждать отсутствующую аргументацию, и интерес к *Refectio* от этого бы не уменьшился. Поэтому ненужное рвение, которое в этом и некоторых других случаях проявил СМ, вызывает сожаление.

Иным случаем является решение – тоже дерзкое, но не неразумное – поместить фр. 1 ДК не непосредственно в начало, а после нескольких предва-

¹⁰ В *Recensio* СМ без колебаний признает, что этот текст (*Diog. Laert.* IX 12 = T 705 = F 81A) оставляет желать лучшего с точки зрения аутентичности, буквального соответствия и точности, за что присуждает ему только восемь звезд (две, три и три соответственно).

рительных утверждений. Этот выбор автора небезоснователен. Действительно, для того, чтобы признать, что книга Гераклита начиналась словами *Tou de logou toud' eontos* и т. д., недостаточно вспомнить, что у Секста Эмпирика цитата предваряется специальным *enarchomenos* и что употребление *hode* в пролиптическом смысле широко засвидетельствовано: подобное вступление (особ. до *kata ton logon tonde*) все равно было бы резким, ссылающимся на само себя и почти непонятым. Все это переводимо, если абстрагироваться от более чем устоявшейся традиции и попытаться выделить рамку, благодаря которой *toud'* и *tonde* стали бы менее загадочными, чем они оказываются, если книга Гераклита и правда начиналась с фр. 1 ДК. Более того, экзегетическая традиция никогда не задавалась вопросом, возможно ли, чтобы книга начиналась не точными словами этого фрагмента, то есть возможно ли, чтобы под словом *enarchomenos* Секст подразумевал тот момент, когда, после некоторых предварительных вещей, Гераклит вступал *in medias res*¹¹.

В текстах н° 21–23 и 28 СМ снова решил подвергнуться риску без надобности, например, изобретая целых две ссылки на Архилоха (фр. 110 и 133.3 W.), с предчувствием, что хоть это и привлекательно, но начисто лишено филологической базы. Отмечу, что такие добавления не похожи на силуэт, которым реставраторы мозаик и керамических ваз обозначают вероятные детали, не дошедшие до нас; скорее, они напоминают гипсовые вставки, которыми раньше снабжали многие римские статуи, выставленные в музеях. Создается впечатление, что СМ как бы побоялся признать существование лакуны или пропуска и, возможно, указать в качестве *desideratum* ту или иную ссылку на Архилоха. Поэтому я полагаю, что, без сомнения, предпочтительнее было бы использовать диакритические знаки, гораздо более «сильные» и очевидные, чем просто угловые скобки < ... >, введенные здесь, – например, можно бы было использовать мелкий шрифт, как в текстах н° 85, 87–90 и 92–95.

Показательным в отношении склонности СМ к конъектурам без необходимости является также его разбор фр. 38 ДК. В собрании Дильса–Кранца мы читаем: «Фалес] δοκεῖ δὲ κατὰ τινος πρῶτος ἀστρολόγησαι». Во *Fragmenta* СМ предлагает: Θαλῆς πρῶτος ἡστρολόγεσε. А в *Refectio* (текст н° 187) появляется формулировка Θαλῆς <ὁ Ἐξαμίου> *ὁ πρῶτος ἀστρολόγησας* <ἔφε>. В данном случае вариации, направленные на то, чтобы восстановить оригинальную фразу по цитате, по существу невинны, но нас не покидает подозрение, что осу-

¹¹ Более подробно об этом можно прочесть в §4 моей статьи «Гераклит отождествляется со своими 130–135 фрагментами?» («Eraclito si identifica con i suoi 130–135 frammenti?»), которая вскоре выйдет в составе Pozzoni I. (ed.). *L'oscurità di Eraclito d'Efeso. Frammenti e «leggenda»* (готовится к печати).

ществляется удобная для автора правка. Была ли в этом необходимость?

Более благосклонного мнения заслуживает разбор фр. 53 DK, который в руках СМ стал текстуальной единицей n° 26. Чтобы установить убедительную логическую связь с предложением, указанным как непосредственно предшествующее, вводится *gar* на второй позиции, которое возвращает целому фонетическое равновесие. Вот что происходит с этим *gar*. Фр. 53 DK, *polemos pantōn men patēr esti pantōn de basileus kai tous men theous edeixē tous de anthrōpous, tous men doulous epoiēse tous d' eleutherous*, раскладывается СМ на следующие фразовые единицы:

polemos
pantōn men patēr esti
pantōn de basileus
kai tous men theous edeixē
tous de anthrōpous
tous men doulous epoiēse
tous d' eleutherous.

Шесть из этих главных единиц не ограничиваются обозначением одной мысли, потому что характеризуются также недвусмысленной гармонией¹², делающей фразу уравновешенной, стабильной и тем самым защищенной от многих возможных изменений (гармоническое равновесие отдельных единиц обеспечивает им уровень защиты, не очень отличающийся от того, что ожидается от метра), но первая единица – нет, и она действительно перестает казаться несколько дисгармоничной, если перейти от *polemos* к *polemos <gar>*. Еще одно преимущество такого выбора – разумное продолжение текста, идентифицируемого СМ в качестве вероятного предшественника этих слов, он же фр. 8 D, где, кроме того, СМ, опять-таки из соображений эвфонии, позволяет себе вставить инверсию, написав *kai ginetai panta kat' erin* вместо *kai panta ginetai kat' erin*. Конечно, верно, что благодаря этой инверсии эвфонический эффект увеличивается, но я бы вновь предпочел видеть больше уважения к версии, сохраненной традицией.

Не имея возможности продолжить обсуждение деталей, я прервусь здесь,

¹² Я напоминаю, что одна из первых статей Муравьева о Гераклите (1972) была посвящена именно силлаботоническому ритму. Он вернулся к этой теме с размахом в *Heraclitea* III.3.A (2002), 219–234. Также я напоминаю, что СД, прилагающийся к этому тому, включает, помимо прочего, французский перевод этой статьи и, что еще ценнее, аудиозапись чтения фрагментов, которое показывает, что Муравьев понимает под «силлаботоническим ритмом». Наконец, я напоминаю, что, конечно, о понятии «силлаботонический ритм» можно рассуждать, но нельзя не признать особенности гераклитовых текстов часто выстраиваться по принципу эвфонии, причем нередко они обозначают некое мудрое расположение или просодическую клаузулу.

полагая, что дал общее представление о типе решений, принимаемых СМ, и об оценках, которые можно сделать на этом основании. Я спешу еще раз уточнить, что суждение о ценности *Refectio* в целом – ценность, признаваемая мной, – нисколько не зависит от мнения о качестве решений, принимаемых каждый раз по поводу отдельных деталей. Настоящая *Refectio* в наименьшей мере представляет собой «тюрьму» для будущих исследователей. Напротив, схема непрерывной речи, принявшая форму в этой работе, остается по-прежнему очень гибкой именно в том, что касается деталей. Поэтому она представляет собой безусловно полезный ресурс для тех, кто захочет двинуться дальше: несогласие с некоторыми пассажами не компрометирует результат в целом.

Я постараюсь аргументировать этот последний пункт, прибегнув к следующему примеру. Текст п. 16 соединяет в себе, как предлагали многие другие издатели, две цитаты из Марка Аврелия (fr. 73 и 74 DK), но составляет фразу с глаголом *hulaktein*, «лаять» (который появляется со ссылкой на Гераклита в эпиграмме Мелеагра и эпиграмме Теодорида: Т 296 и, соответственно, Т 294). Результат, должным образом аргументированный в *Recensio* III 83, таков: «Point ne sied d'agir et parler comme dormeurs, ni <de japper> ainsi qu'enfants de ses parents» и может не показаться убедительным. Предположим, что я пришел к решению оставить *hulaktein* вне этих двух фрагментов или даже проигнорировать свидетельства некоторых эпиграмм. Это никоим образом не уменьшает ценность реконструкции и даже не ограничивает ее только разделом, в который попал текст п. 16. Это кажется мне хорошим признаком гибкости предложенной реконструкции, и на основе такого рода соображений считаю попытку заставить почти непрерывную речь вновь появиться на поверхности, в общем, удавшейся. *Refectio*, действительно, совместима со многими возможностями издательской работы и даже со многими отклонениями от издания СМ. Поэтому едва ли из факта несогласия с некоторыми решениями, принятыми в *Recensio*, следует несогласие с *Refectio* в целом.

Наконец, отмечу, что, по моему мнению, *Refectio* книги Гераклита не представляет собой ни развлечение для грецистов, ни необязательную задачу, потому что, если имеется возможность перестановки мозаики, не имеет большого смысла уходить от соблазна выстроить вероятным образом множество свидетельств, дошедших до нас. Кроме того, своей работой по восстановлению «речи» Гераклита СМ добился, в общем, достойных результатов (хотя в свое время по этому поводу можно будет произнести более весомое слово), предложив нам новый отправной пункт, начало новой эпохи исследования книги Эфесского учителя. В самом деле, благодаря *Refectio*, Гераклит вновь получил возможность высказаться полностью. В этом смысле вполне можно сказать, что СМ передал ему слово, а нам дал возможность слушать Гераклита, пока он пространно «говорит» с нами: немислимая ранее возможность, желание, крив-

шеется в каждом из нас, слово, внезапно намного расширяющее наш горизонт. Тот, кто попробует прочесть *Refectio* подряд, получит невероятный опыт: ему удастся мысленно представить Гераклита, развивающего свои мысли и говорящего; наконец, Гераклита, вернувшегося лично представить нам свой текст.

ЛИТЕРАТУРА

- Муравьев С.Н.* 2012: Гераклит Эфесский. Все наследие: на языках оригинала и в русском переводе. Краткое издание. М.
- Fornari G. (ed.)* 2012: Eraclito: la luce dell'oscuro. Firenze.
- Marcovich M.* 1967: Heraclitus. Greek text with a short commentary. Mérida.
- Mouraviev S.N.* 2011: Heraclitea IV.A, Refectio. Sankt Augustin.
- Pórtulas J., Grau S.* 2011: Saviesa grega arcaica. Adesiara, Barcelona.

СОКРАЩЕНИЯ

ВДИ	Вестник древней истории. М.
ВЯ	Вопросы языкознания. М.
ДБ	Древности Боспора. М.
КБН (CIRB)	Корпус Боспорских надписей. М.; Л., 1965.
СЭ	Советская этнография. М.
AASS	Acta Sanctorum... 1643-. Antwerpen; Bruxelles.
AAe	Antiquitas aeterna. Поволжский антиковедческий журнал. Казань; Нижний Новгород; Саратов.
ABSA	Annual of the British School at Athens. Athens; London.
AF	Altorientalische Forschungen. Berlin.
AION	Annali dell'Istituto universitario orientale di Napoli, Dipartimento di studi del mondo classico e del Mediterraneo antico, Sezione di archeologia e storia antica. Napoli.
AJAH	The American Journal of Ancient History. Cambridge, Mass.
AJPh	The American Journal of Philology. Baltimore.
ANMED	ANADOLU AKDENİZİ Arkeoloji Haberleri. News of Archaeology from Anatolia's Mediterranean areas. Istanbul.
BHL	Bibliotheca hagiographica latina antiquae et mediae aetatis. Bruxelles, 1898–1901.
BCH	Bulletin de correspondance hellénique. Paris; Athènes.
BSLP	Bulletin de la Société de Linguistique de Paris. Paris.
Bull	Bulletin épigraphique. RÉG. Paris.
CAH	The Cambridge Ancient History. Cambridge.
CAJ	Central Asian Journal. Islamabad.
CPh	Classical Philology. Chicago.
CQ	Classical Quarterly. Oxford.
CR	The Classical Review. Cambridge.
CRAI	Comptes-Rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Paris.
EKM	Γουναροπούλου Α., Χατζόπουλος Μ.Β. Ἐπιγραφές Κάτω Μακεδονίας, Τ. Α'. Ἐπιγραφές Βεροίας. Ἀθήνα, 1998.
EP	Белюсов А.В., Epigraphica Pontica. Греческая и римская эпиграфика Северного Причерноморья // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. М., 2013–.
FGrHist	Die Fragmente der griechischen Historiker. Berlin; Leiden.
FHG	Fragmenta Historicorum Graecorum. Parisiis.
GGA	Göttingische Gelehrte Anzeigen. Göttingen.
HSCP	Harvard Studies in Classical Philology. Cambridge, Mass.
HThR	The Harvard Theological Review. Cambridge, Mass.
IG	Inscriptiones Graecae. Berolini.

- IGBul Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae. Serdicae.
- IGDOP Dubois L. Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont. Geneva, 1996.
- IJJ Indo-Iranian Journal. S-Gravenhage.
- IOlb Inscriptiones Olbiae (1917–1965). Л., 1968.
- IosPE (IPE) Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Vol. I, II, IV / Ed. B. Latyshev. Petropoli, 1885–1901. (I²–1916).
- IvKaunos Marek Ch. Die Inschriften von Kaunos. München, 2006.
- JA Journal Asiatique. Paris.
- JHS The Journal of Hellenic Studies. London.
- LIV Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen / Hrsg. von H. Rix. 2. Aufl. Wiesbaden, 2001.
- LSJ Liddel H.G., Scott R., Jones H.S. A Greek-English Lexicon. Vols. 1–2. Oxford, 1996.
- MH Museum Helveticum. Basel.
- RE Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft / Hrsg. von A.F. Pauly, G. Wissowa et al. Stuttgart.
- ODB The Oxford Dictionary of Byzantium. Ed. A. Kazhdan. 1–3. Oxford, 1992.
- OGIS Dittenberger Gu. (ed.). Orientis Graeci inscriptiones selectae. I–II. Lipsiae, 1903–1905.
- RE Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft / Hrsg. von A.F. Pauly, G. Wissowa et al. Stuttgart.
- RÉB Revue des études byzantines. Paris.
- RÉG Revue des études grecques. Paris.
- RÉS Répertoire d'épigraphie sémitique publié par la Commission du Corpus Inscriptionum Semiticarum. Paris.
- RFIC Rivista di filologia e di istruzione classica. Torino.
- RIL Rendiconti dell'Istituto Lombardo. Classe di Lettere, Scienze morali e storiche. Milano.
- RhM Rheinisches Museum für Philologie. Bonn; Saarbrücken; Köln.
- SEG Supplementum epigraphicum Graecum. Leiden; Amsterdam.
- SI Studia Iranica. Leuven.
- SIFC Studi italiani di filologia classica. Firenze.
- SÖAW Sitzungsberichte der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Wien.
- Syll.3 Dittenberger W. Sylloge inscriptionum Graecarum. Ed. 3. Vol. 1–4. Lipsiae, 1915–1924.
- TAM Tituli Asiae Minoris. Wien.
- WZKM Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Wien.
- ZDMG Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Wiesbaden.
- ZPE Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn.
- ZVS Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen. Neue Folge. Vereint mit Beiträgen zur Kunde der Indogermanischen Sprachen. Göttingen.

НАШИ АВТОРЫ

Ахунова (Левинская) Ольга Леонидовна – к.ф.н., доцент кафедры классической филологии Института восточных культур и античности РГГУ; levinskaja@mail.ru

Белосов Алексей Владиславович – к.ф.н., доцент кафедры древних языков исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; abelv@yandex.ru

Бухарин Михаил Дмитриевич – д.и.н., ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, заведующий Центром истории Древнего Востока; misha_nina@mail.ru

Кузьмин Юрий Николаевич – к.и.н., доцент кафедры истории и зарубежного регионоведения Самарского филиала Московского городского педагогического университета; yurimac@yandex.ru

Подосинов Александр Васильевич – д.и.н., главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, заведующий кафедрой древних языков исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; podossinov@mail.ru

Приходько Елена Владимировна – к.ф.н., доцент кафедры древних языков исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; aristonica@list.ru

Россетти Ливيو – профессор (emeritus) Университета Перуджи; livio.rossetti@gmail.com

Самохвалова Наталья Евгеньевна – младший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; vixrisum@gmail.com

Смирнов Святослав Викторович – к.и.н., научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; smirnovSV3@yandex.ru

Шумилин Михаил Владимирович – к.ф.н., сотрудник Института восточных культур и античности РГГУ (Москва) и ГУ ВШЭ; mvshumilin@mail.ru

